

Глава третья. Период Нара

Главные особенности периода Нара

В периоде Нара китаизация достигла в Японии своего пика. Активно перенималось все китайское, начиная с принципов устройства государственного аппарата и заканчивая правилами градостроительства. Отличительной чертой японцев является то, что они никогда не копируют чужое слепо и бездумно. Все заимствования приспособляются к японским условиям. Например, частые землетрясения вынуждали строить только из дерева, а относительная безопасность, дарованная островным расположением, не требовала обносить города высокими и толстыми стенами, на возведение которых уходило много труда.

Периодом Нара включает в себя не только отрезок времени, в течение которого столицей Японии был город Нара (710–784), но и десятилетний период (784–794) пребывания императорского двора в городе Нагаока, находившемся в провинции Ямасиро. Подобное объединение логично, так как нагаокский период по всем своим параметрам, социально-экономическим и культурным, соответствует периоду Нара.

Период Нара является первым хорошо документированным периодом в истории Японии. Материалы официальной хроники «Сёку нихонги» дополняются данными законодательных сводов, хрониками буддийских храмов, описаниями провинций, сохранившимися документами различных учреждений и поэтическими сборниками, из которых тоже можно почерпнуть много ценной информации.

Период Нара – это период строительства японского правового государства («правового» в понимании того времени). Однако к концу периода стало ясно, что это строительство провалилось – местничество победило централизацию.

«Сёку Нихонги»

«Сёку нихонги» («Продолжение «Анналов Японии») рассказывает о 95-летнем периоде японской истории, начиная с 697 года, когда на престол взошел император Момму, и заканчивая 791 годом, когда правил император Камму. Анналы, включающие 40 свитков, написаны на китайском литературном языке. Если предыдущие хроники «Кодзики» и «Нихон сёки» помимо описания исторических событий содержали много информации иного характера, то «Сёку нихонги» представляют собой чистую историографию, сухое хронологическое (с точностью до дня) изложение событий. Повествование идет не от одного события к другому, а день за днем.

Император Камму

В 8-ом месяце 794 года Правый министр Фудзивара Асоми Цугутада, дайфу минбусё (старший помощник главы Палаты народных дел) Сугано Асоми Мамити и сёнагон (младший государственный советник) Акисино Асоми Ясухито получили от императора Камму составить продолжение «Анналов Японии». В 797 году хроники «Сёку нихонги» были составлены. Они создавались не на основе преданий, а на документах разных учреждений, которые были переданы в распоряжение составителей, поэтому их достоверность довольно высока, но не абсолютна, поскольку они были отредактированы согласно интересам императора Камму. Причина заключалась в смена внутридинастической линии, произошедшей с

воцарением отца Камму императора Конино. До этого правила потомки императора Тэмму и их родственники, а Конин был потомком императора Тэнти. «Секу нихонги» грешит чрезмерным возвеличиванием «клана» Тэнти и принижением «клана» Тэмму.

Описываемые события разбиты в хронике по правлениям императоров, причем изложению событий, произошедших в правление императора, предшествует информация генеалогического характера, рассказывающая, чьим внуком и сыном был правитель, когда он был назначен наследником (если такое имело место) и т. п. Также указывались выдающиеся качества правителя. Например, про императора Момму, с правления которого начинаются «Сёку нихонги», сказано, что он был добродетелен, негневлив, начитан и хорошо стрелял из лука. В отличие от китайских историков, японские авторы не давали критических оценок деятельности императоров. Причина такого различия заключалась в разных взглядах на императорскую власть. В Китае была принята концепция Небесного мандата, который переходил от недостойных к достойным, оправдывая легитимность каждой новой династии. Поэтому историк должен был оценить шансы каждого правителя на удержание Небесного мандата.

В Японии же правила и правит одна и та же династия, имеющая божественное происхождение (так, во всяком случае, традиционно принято считать). Японский историк не мог давать критическую оценку действиям своего императора, а японскому читателю она не требовалась.

«Сёку нихонги» дополняются документами из хранилища Сёсоин в буддийском храме Тодайдзи, «Описанием земель и обычаев» («Фудоки»), а также моккан – записями на деревянных табличках.

Экономные монахи часто делали записи на обороте старых документов, в том числе и полученных из различных учреждений, что существенно увеличивает историческую ценность документов Сёсоин, которых около 10 000. Среди них есть как записи религиозного характера, так и документы, касающиеся отношений главного буддийского монастыря Японии с различными государственными структурами.

С 713 года в хозяйственно-управленческих целях начали составлять описания провинций, которые получили название «Фудоки» – «Описания земель и обычаев». Эти описания включали в себя географические особенности провинций, сведения о наличии пригодных для возделывания земель и полезных ископаемых, а также информацию о животном и растительном мире. Хозяйственная информация дополнялась культурной – местными преданиями, описанием местных обычаев. До нашего времени дошли в частичном виде описания

провинций Харима, Хитати, Бунго и Бидзэн, а также полный текст описания провинции Идзумо, остальное не сохранилось.

В старину было принято вести переписку между центральными и местными учреждениями на деревянных табличках, называемых моккан. Также на моккан могли записываться объявления и сведения о товарах. Использовались моккан и в процессе обучения. Эти таблички имели от 10 до 25 см в длину и 2–3 см в ширину. Обычай писать на табличках пришел в Японию из Китая, но там таблички изготавливали не из дерева, а из бамбука. Деревянные таблички были прочными, но в то же время легкими, их было удобно перевозить на большие расстояния. К тому же деревянные носители были экономически выгодными – соскоблив написанное, табличку использовали повторно.

К настоящему времени обнаружено около 200 000 моккан. Историки считают их наиболее правдивыми свидетельствами эпохи, поскольку, в отличие от хроник и описаний, записи на деревянных табличках не подвергались политическому и идеологическому редактированию.

Императрица Гэммэй

Императрица Гэммэй

«В 11-ом месяце 3-го года Кэйун [имеется в виду 706 год] правитель Тоёоодзи [император Момму] заболел, – написано в начале 4-го свитка летописи «Сёку нихонги». – Сначала он намеревался отречься от престола, но императрица была против этого и отказалась от престола. В 6-ом месяце 4-го года [707] правитель Тоёоодзи умер. В 24-ый день императрица находилась в восточной башне, где она сказала главам восьми палат и командирам пяти воинских частей, что, исполняя волю покойного правителя она берет правление в свои руки. В 17-ый день 7-го месяца во дворце Дайгокудэн императрица взошла на престол».

Никогда еще в японской истории не было такого, чтобы мать наследовала престол после смерти сына. У императора Момму был шестилетний сын, будущий император Сёму. По идее ему надо было занимать престол, а бабке – становиться регентшей. Но дочь императора Тэндзи, по материнской линии принадлежавшая к роду Сога, решила иначе. Она заняла престол, сославшись на волю покойного сына, которая была (и была ли?) высказана устно, а не оформлена в виде императорского указа. Если за императрицей Суйко стоял ее могущественный дядя Сога Умако, бывший фактическим правителем государства, то императрица Гэммэй возвела себя на престол сама, опираясь на личную власть и своих

сторонников при дворе. С учетом того, что других серьезных претендентов не было, эта затея увенчалась успехом, не вызвав междоусобиц. К тому же императрица сразу же после воцарения постаралась заручиться поддержкой среди подданных – объявила амнистию, назначила престарелым вспомоществование, выдала чиновникам и монахам низших рангов по отрезу полотна (монахи в придачу получили еще и по коку¹ неочищенного риса), освободила подданных на год от подушного и полевого налога.

Гэммэй правила до 715 года, а затем уступила престол своей дочери Хитака, известной как императрица Гэнсё. В начале 724 года императрица Гэнсё отреклась от престола в пользу своего достигшего совершеннолетия племянника – императора Сёму. Таким образом правление императриц Гэммэй и Гэнсё можно рассматривать как особую разновидность регентства.

Императрица Гэммэй за 8 лет правления успела сделать многое. Она основала город Хэйдзё – новую столицу государства, была инициатором создания летописи «Кодзики», начала чеканить монеты, пыталась бороться с коррупцией в аппарате (правда, особых успехов в этом начинании не достигла), издала ряд указов, способствовавших развитию земледелия и шелководства, препятствовала самочинному захвату земель знатными родами, отменила на три года взимание процентов по рисовым ссудам, выдаваемым государством крестьянам.

¹ Коку примерно равен 180 литрам.

Японская армия периода Нара

Угроза китайского вторжения оставалась всего лишь угрозой, племена, обитавшие на северо-востоке острова Хонсю, не представляли большой опасности для государства, поэтому можно было иметь небольшую регулярную армию и не строить стен вокруг городов.

Японская армия периода Нара состояла из столичных частей эфу и провинциальных частей гундан. Эфу насчитывало около 5 500 воинов, половина которых охраняла непосредственно императора и его семью, а другая половина несла охрану дворцовых ворот и столицы. Императорская охрана и дворцовая стража набирались из знати, столичной и провинциальной, а войска, охранявшие столицу, состояли из рекрутов. В столичных частях в первую очередь ценилась лояльность, поэтому многие должности передавались по наследству, как это было принято испокон веков.

Большой ошибкой японских императоров было нарушение китайского правила назначения всех военных чиновников из центра. Офицеры в гундан набирались из местной знати и назначались местными правителями, император мог только утвердить уже принятое решение. Подчинялись провинциальные войска не командующему, назначенному центром, а местным правителям, совмещавшим в своем лице гражданскую и военную власть. По сути дела, правитель каждой провинции располагал собственной армией, которой командовали выбранные им люди, причем содержалась эта армия за государственный счет. Такое положение дел представляло серьезную угрозу для императорской власти, но до поры до времени никто из императоров об этом не задумывался (а когда задумались, то было уже поздно).

По Кодексу Тайхо на военную службу призывался каждый четвертый взрослый крестьянин, но Кодекс Ёро изменил это соотношение до каждого третьего.

Социальная структура японского общества периода Нара

В VIII веке шестимиллионный японский народ делился на две категории: рёмин («добрый люд») и сэммин («подлый люд»). К рёмин относились: ки – чиновники первых трех рангов, цуки – чиновники 4-го и 5-го рангов, прочие чиновники с 6-го 8-ой ранг, бякутё – свободные общинники, а также синабэ и дзакко – ремесленники. К сэммин относились кладбищенские сторожа (это занятие считалось презренным), преступники и их семьи, в качестве наказания превращенные в государственных рабов, а также частные рабы.

Чиновничество разделялось на столичное (найкан) и провинциальное (гайкан). Столичная ранговая шкала состояла из 9 рангов, которые делились на 30 разрядов. Каждый ранг делился на старший и младший, а ранги с 4-го по 9-ый включали в себя также верхнюю и нижнюю ступени. 9-ый младший ранг нижней ступени был самым низким из рангов и считался чем-то вроде испытательного срока для молодого чиновника. У провинциального чиновничества была своя система из 5 рангов и 20 разрядов.

Соответственно рангам, чиновники получали привилегии и прочие преимущества. Согласно Кодексу Тайхо чиновник 1-го ранга получал в год 80 тё² так называемых «ранговых полей» для кормления, которые обрабатывались определенным количеством крестьянских дворов, 30 хики³ шёлка, 30 кип ваты, 100 тан⁴ тонкого холста и 140 мотыг (мотыги были в то время распространенным «платежным» средством, ими выплачивались жалованья и налоги). Кроме этого, чиновник 1-го ранга мог иметь 100 слуг. Ранговые поля, крестьяне и слуги полагались чиновникам от 5-го старшего ранга и выше. Обеспечение чиновников низших рангов было весьма скудным. Так, например, чиновник 9-го младшего ранга получал в год 1 хики шёлка, 1 кипу ваты, 3 тан холста и 5 мотыг.

Чиновники высших рангов (с 1-го по 5-ый) могли «отбрасывать тень своего положения» на сыновей и внуков, то есть «автоматически» предоставлять им определенные ранги. Такие ранги называлась онъи – «теневые ранги». Сыновья, рожденные женами чиновников 1-го ранга получали 5-ый младший ранг нижней ступени, а сыновья, рожденные наложницами и внуки от жен – 6-ой старший ранг верхней ступени. Внукам от наложниц полагался 6-ой старший ранг нижней ступени. Система теневых рангов давала потомкам высокопоставленных

² Тё примерно соответствует гектару.

³ Хики примерно соответствует 21 м.

⁴ Тан равен 10,6 м.

чиновников большие преимущества и способствовала семейственности в высших эшелонах власти.

У провинциальных чиновников были иные привилегии. Родственники правителей уездов имели право службы в дворцовой охране и на обучение в провинциальных школах-кокугаку, после которой можно было поступить в Дайгаку – Высшую школу при императорском дворе, учеба в которой открывала путь к получению столичного чиновного ранга. Но, пожалуй, самым значимым преимуществом являлось право отправки дочерей во дворец, где они становились придворными дамами-унэмэ. Поскольку представители столичной знати охотно женились на унэмэ, эта привилегия позволяла провинциальным чиновникам породниться со столичными аристократами.

Правители уездов назначались правителями провинций и ими же контролировались. Такой порядок установился с 712 года. Выбор кандидатов проводился двояким образом. Правители уездов могли назначаться на основании личных качеств, но право на должность могло переходить по наследству, оставаясь в пределах одного клана. Стремясь на словах к максимальной централизации власти и всемерному его укреплению, на деле японские императоры способствовали созданию на местах сильных вотчин. Правитель провинции в пределах своей территории обладал гораздо большей властью, чем император. Он делал, что хотел и сообщал в столицу только то, что считал нужным сообщить.

Положение крестьян в VIII веке было незавидным (как, впрочем, почти на всем протяжении истории Японии). Каждому крестьянину полагалось около 2 тан земли, но размер надела мог быть уменьшен при дефиците земли и земля не всегда отводилась близ места проживания. Можно было получить землю на значительном удалении от дома (до 2-ух дней пути), да вдобавок еще и в виде нескольких небольших участков. Но хуже всего было то, что наделы распределялись один раз в 6 лет и оформление права на надел могло растягиваться на годы. Бюрократизация государственного аппарата всегда была одной из главных проблем управления.

Крестьяне платили 3 вида налогов – зерновой, который взимался с единицы земельной площади, и в среднем составлял около 3 % урожая, натуральный налог (тканями, ремесленными изделиями, морепродуктами и пр.) и отрабатывали до 70 дней в году трудовые повинности на строительных и иных работах. Те, кто работал на государство, получали только питание, причем весьма скудное – около 200 грамм неочищенного риса в рабочие дни и половину этого количества в те дни, когда из-за погодных условий работы не проводились.

Для поддержки крестьянства были устроены рисовые займы – выдача риса в кредит до следующего урожая, но такая «поддержка» оборачивалась разорением из-за грабительских процентов. Государство ссужало рис под 50 % годовых, а частные лица – под 100 %! В большинстве случаев взятие ссуды на таких условиях приводило крестьян в рабство. В 737 году, после двухлетней эпидемии черной оспы, частные рисовые ссуды были официально отменены, но подпольно они продолжали выдаваться, только оформлялись иначе. Формально причиной отмены частных ссуд была объявлена «забота о народе», но на самом деле государство устранило частных конкурентов. Процент у частников был выше, но само получение ссуды у них было проще.

Ремесленники имели более низкий статус, чем крестьяне, поскольку земледелие в конфуцианской традиции считалось более достойным занятием, чем ремесло и торговля (торговцы вообще стояли ниже всех, поскольку ничего полезного не производили). Дзакко, которые занимались изготовлением оружия, доспехов и прочего военного снаряжения, а также музыкальных инструментов, стояли выше синабэ, занимавшихся мирными и простыми промыслами (гончарным, красильным, винодельческим и т. п.). Однако синабэ и дзакко могли приниматься в государственные учреждения в качестве мелких служащих, что повышало их статус до чиновного и давало ряд привилегий. В 759 году сословие синабэ было упразднено, а входившие в него ремесленники стали считаться свободными общинниками.

Хуже всего жилось рабам (сэммин), государственным и частным. Здесь тоже существовала своя иерархия. Самым высоким статусом обладали рёко («мавзолейные слуги») – рабы, приписанные к Управлению усыпальниц Палаты церемоний. Они сооружали усыпальницы для императоров и императорских родственников и ухаживали за ними. Ступенью ниже стояли канко («правительственные слуги»), которые занимались обслуживанием правительственных учреждений и подчинялись Ведомству правительственных рабов. Помимо канко существовали каннухи («государственные рабы»), которые тоже занимались обслуживанием правительственных учреждений, но выполняли тяжелые работы. Дальше шли кэнин («семейные слуги») обслуживавшие знатные семейства и храмы. Кэнин имели право на обзаведение семьей и не могли быть объектом купли и продажи. Самой низшей категорией рабов были синухи («личные рабы»), которые приравнивались к личному имуществу и скоту. Владельцы могли делать с ними все, что угодно, в том числе и продавать или дарить. Статус раба передавался по наследству.

Неудачное введение денежного обращения

В 708 году были отчеканены первые японские монеты достоинством в 1 мон из серебра и меди.

Покупательная способность монет изначально была установлена правительством. 1 мон был приравнен к 6 сё неочищенного риса⁵. Если цена вещи составляла больше 4 мон, надлежало использовать серебряную монету, а если меньше – медную. Так постановила Палата большого государственного совета.

С серебром в империи дело обстояло туго – в то время его добывали в единственном месторождении на острове Цусима. Поэтому от использования серебра в 709 году отказались и все монеты стали делаться из меди. Вид металла не имел значения, поскольку рынка в то время не было и монеты рассматривались правительством только лишь в качестве удобного средства для расчетов с чиновниками и ремесленниками, работавшими на государство.

Начиная с 711 года часть жалованья выплачивалось чиновникам деньгами. Деньгами разрешалось выплачивать некоторые виды натурального налога. Более того – за деньги чиновники могли официально покупать повышение в ранге. Деньгами рассчитывались за выполнение государственных работ и заказов. За деньги можно было арендовать земельные участки и продавать излишки риса.

Разумеется, предприимчивые люди начали «помогать» государству чеканить монету, благо это было довольно просто сделать. Фальшивомонетчиков наказывали сурово – их обращали в государственных рабов, а их имущество отдавалось тем, кто донес на них. Порча монеты, то есть – отделение от нее какого-то количества металла, наказывалось двумястами ударами палок и каторжными работами. Зная о преступлении, но не донесшие о нем властям, получали то же наказание, что и преступники.

Задумано все было хорошо – государство начеканило монету, установило цены на основные продукты и... начало бесконтрольно вводить в обращение новые партии монет. Сейчас любой школьник понимает, что так делать нельзя, но тогда никакой опасности в бесконтрольной эмиссии не видели. В результате к 763 году цена 1 сё неочищенного риса возросла до 10 мон, то есть менее чем за полвека мон обесценился в 60 раз! Удержать мон «на плаву» не помогли ни пересмотр цен, ни конфискационная реформа 958 года, во время которой единственно правильным платежным средством были признаны новые деньги, а все старые изъяли из обращения. К началу XI века медные деньги вышли из обращения. Эту

⁵ Примерно 4,3 литра.

утрату японская экономика пережила спокойно потому что медные деньги так и не стали основным платежным средством, доминировал натуральный товарообмен.

Поощрение земледелия

В 715 году был издан указ о поощрении освоения новых земель. Вообще-то освоение нови вменялось в обязанность правителям провинций, но деньги на это дорогостоящее дело им нужно было изыскивать самостоятельно, без надежды на дотации из столицы. Поэтому освоение продвигалось туго, что вызывало недовольство центральной власти. В 722 году императрица Гэнсё поставила задачу освоить миллион тё пустошей⁶, а годом позже издала указ, передававший освоенные земли во временную собственность тому, кто их освоил. Те, кто создал новую ирригационную систему, то есть освоил земли «с нуля», могли владеть ими на протяжении трех поколений, а те, кто освоил земли с использованием старой ирригационной системы, владели ими до конца своей жизни. Ограничения не отпугнули богатые кланы и буддийские монастыри, у которых были средства на освоение земель. Начало было положено – появилась возможность владеть землей целое столетие, а за это время могла появиться и другая возможность, позволяющая навсегда сделать землю своей. Надежды скоро оправдались – с целью стимуляции освоения земель император Сёму в 743 году издал указ, отдававший освоенные земли в вечное частное владение. Так появились сёэн – частные поместья. Этот указ похоронил все надежды на укрепление центральной власти. Выигрывая в ближайшей перспективе, императорский дом проигрывал в отдаленной. Богатые роды получили возможность вернуть былое могущество. Своя земля – своя армия – своя власть... Не исключено, что такое решение было навязано императору знатью. А может

Сёму не умел заглядывать далеко в будущее и плохо изучал прошлое своего государства. Но так или иначе, с середины VIII века началось усиление знатных домов и буддийских монастырей. К концу этого века они усилились настолько, что стали представлять угрозу для императора. Перенос столицы из Нары в Нагаока, состоявшийся в 784 году, был предпринят императором Камму для того, чтобы вывести себя и двор из враждебного окружения буддийских монастырей, влияние которых усилилось при монахе-министре Докё, фаворите императрицы Сётоку, она же – императрица Кокэн⁷. Монастыри остались в старой столице, им было запрещено переезжать в новую.

⁶ Это была заведомо невыполнимая задача, такое количество новых земель японцы смогли освоить лишь в XVI веке.

⁷ Дочь императора Сёму правила дважды – после отречения своего отца с 749 по 758 годы под именем Кокэн и с 764 по 770 годы под именем Сётоку.

Помимо крупного промаха император Сёму совершил и другой, помельче. Он передал выдачу разрешений на освоение земли в руки правителей провинций. На первый взгляд такое решение казалось верным, поскольку позволяло немного разгрузить центральный аппарат, но на деле оно повышало влияние правителей провинций и способствовало различным злоупотреблениям. Клань, находившаяся у власти на местах, получила возможность интенсивного увеличения своих владений путем использования служебного положения. Разрешив создание сёэн, император установил допустимые пределы земельных владений, но это ограничение существовало только на бумаге. В реальной жизни на него обращали мало внимания. Достоверной информацией о земельных владениях обладали правители провинций, а не центральный аппарат. Исходя из родственных или финансовых интересов, правители закрывали глаза на ограничивающее правило. Многие кланы и монастыри имели владения по всей стране, общую величину которых могли знать только владельцы. Короче говоря, прирост земельных владений ограничивался только возможностями собственника.

Для освоения земель было нужно много рабочих рук. Широко использовался труд беглых крестьян, которые оставляли государственные наделы из-за налоговых и ссудных недоимок. Такое «переманивание» крестьян наносило существенный экономический ущерб государству и вынуждало перекладывать налоговое бремя беглых на плечи крестьян, остававшихся при своих наделах. Крестьянство нищало, в государстве росла социальная напряженность. Хорошая задумка обернулась большими проблемами.

Возвышение рода Фудзивара. Дворцовые интриги и мятежи

Основателем рода был Накатоми Каматари (614–669), представитель высшей знати, помогавший принцу Нака Оэ в борьбе против дома Сога. Именно Каматари, а не принц, был организатором заговора против Сога и руководил им. После победы над Сога Накатоми Каматари стал утицу-оми – советником императора Котоку и наследного принца Нака Оэ. К новому титулу прилагалась почетная награда – новая фамилия Фудзивара, то есть право основания нового рода. Фамилия была выбрана неслучайно⁸ – заговор против Сога Каматари составил в глициниевом саду, поскольку в доме нельзя быть полностью уверенным в том, что тебя не подслушают⁹.

Мияко, дочь Фудзивара-Фухито, второго сына Фудзивара Каматари стала женой императора Момму и матерью императора Сёму, что усилило влияние клана Фудзивара до того уровня, которым в свое время обладал клан Сога.

⁸ «Фудзивара» переводится как «глициниевое поле».

⁹ Традиционный японский дом строится из дерева, многие перегородки сделаны из бумаги, натянутой на деревянные рамы, поэтому слышимость хорошая.

Фудзивара Каматари

Другая дочь Фудзивара Фухито по имени Нагако стала женой принца Нагая (684–729), внука императора Тэмму по мужской линии и императора Тэндзи по женской. В 721 году, после смерти Фудзивара Фухито, принц Нагая стал правым министром, а в 724 году император Сёму сделал его левым министром (это было повышение). Несмотря на свое родство с кланом Фудзивара, принц Нагая стал главой оппозиционных клану сил. Нагая слыл умным и образованным человеком, а также хорошим администратором, требовавших от всех чиновников добросовестного исполнения обязанностей. К слову будь сказано, что об уме и образованности принца Нагая можно судить по его утонченным стихам, написанным на китайском и японском языке. Многие из императорских указов, изданных с 721 по 729 годы, разрабатывались с участием принца Нагая (в том числе и указы, касавшиеся освоения новых земель). Старшей женой принца Нагая была принцесса Киби, дочь императрицы Гэммэй.

После смерти Фудзивара Фухито, самые высокие придворные должности заняли принцы линии императора Тэмму. Нагая управлял делами государства совместно с

двумя своими дядьями – Тонери и Ниитабе. Род Фудзивара отодвинулся на второй план, что вызвало недовольство у четырех сыновей Фудзивара Фухито – Мутимаро, Фусасаки, Маро и Умакай. Им оставалось ждать, когда власть перейдет к внуку Фухито принцу Обито (так звали будущего императора Сёму). Вполне можно предположить, что принц Нагая имел намерение стать императором и, надо сказать, шансы у него имелись, но, тем не менее, императором стал принц Обито, который сразу же по восшествии на престол повысил принца Нагая до левого министра. Возможно, принцы договорились о том, что один станет императором, а другой – левым министром.

Император Сёму тоже был женат на одной из дочерей Фудзивара Фухито по имени Асукабэ-химэ (императрица Комё). Мать Сёму и жена принца Нагая имели общую мать, а Асукабэ-химэ была от другой жены Фухито, так что по меркам тогдашнего японского общества кровосмесительной эта связь не считалась.

Позиции дома Фудзивара упрочились в 927 году, когда императрица Комё родила принца Мотои, назначенного престолонаследником. Но Мотои умер в двухлетнем возрасте и наследником стал принц Асака, рожденный от другой жены императора (императрица Комё сыновей больше не рожала).

Братья Фудзивара начали распространять слухи о том, что принца Мотои погубил принц Нагая при помощи колдовства. Причина убийства объяснялась просто – Нагая хотел стать императором. Появилось и «доказательство» вины принца Нагая – два чиновника представили императору доклад, в котором говорилось о том, что левый министр Нагая, изучивший колдовство, желает с его помощью разрушить государство.

20 марта 729 года отряд под командованием Фудзивара Умакай окружил дворец принца. Нагая покончил с собой. То же самое сделала его старшая жена Киби рожденные ею сыновья – Касиваде, Кацураги и Кагитори.

Кацусика Хokusай, «Явление онрё зимней ночью» (1808 год)

Спустя восемь лет после самоубийства принца Нагая все четверо сыновей Фудзивара Фухито умерли во время эпидемии черной оспы. Их смерть сочли делом духа принца Нагая, который стал онрё – духом мщения. Пока онрё не отомстит всем, кто повинен в его смерти, покоя ему не будет. Император Сёму косвенно был виновен в смерти Нагая, поэтому для того, чтобы отвести возмездие от императорского дома, дух принца попытались задобрить посмертными повышениями в ранге – сначала его из простого принца сделали принцем крови, а затем стали именовать дайдзёдайdziном (главным министром). Есть версия, что строительство храма Тойдадзи и установка в нем статуи Будды было направлено на защиту от духа принца Нагая.

Сыновья Фудзивара Фухито основали четыре дома клана Фудзивара. Мутимаро основал дом Фудзивара Нанкэ (Южный дом), Фусасаки – Фудзивара Хоккэ (Северный дом)¹⁰, Умакай – Фудзивара Сикикэ (Церемониальный дом), а Маро – Фудзивара Кёкэ (Столичный дом).

В 740 году сын Фудзивара Умакай Хироцугу поднял мятеж в провинции Хидзэн на острове Кюсю, куда он был отправлен служить. К этому мятежу присоединился его брат Цунаде. Мятеж был быстро подавлен, а его главари казнены. Дом Сикикэ пришел в упадок, а вперед выдвинулся Южный дом, который возглавлял Фудзивара Накамаро, сын Митимаро.

¹⁰ Не следует путать Северный дом или Северную ветвь клана Фудзивара с так называемыми «северными Фудзивара», которые породнились с знатными родами народа эмиси.

Влияние Накмаро достигло пика в правление императора Дзюннина (758–764), который был женат на одной из дочерей Накамаро. Взойдя на престол, Дзюннин назначил Накамаро левым министром и пожаловал ему 3000 кормовых дворов и 100 тё полей, а также право на чеканку собственной монеты и выдачу рисовых ссуд. Вскоре при дворе не осталось ни одной мало-мальски важной должности, которую не занимали бы родственники Накамаро. В 760 году Накамаро стал Главным министром, несмотря на то, что по сложившейся к тому времени традиции эта должность обычно оставалась незанятой, главным из японских чиновников был левый министр.

В «Сёку нихонги» Накамаро дается следующая характеристика: «Важнейшие государственные дела решал он в одиночку, сосредоточив управление государством в своих руках... Нравилась ему единоличная власть и с каждым днем он относился к людям со все возрастающей подозрительностью». Разумеется, нужно учитывать, что эта летопись составлялась уже после мятежа, поднятого Накамарой, но, тем не менее, по ряду сведений можно судить о том, что он был крайне амбициозным и властолюбивым человеком, фактическим и единоличным правителем страны. Но, как известно, нет такого меча, которым можно разрубать камни.

После отречения императора Сёму в 749 году по причине ухода в религию, императрицей стала его дочь Кокэн. В 758 году императрица Кокэн отреклась в пользу Дзюннина, внука императора Тэмму, но при этом продолжала пользоваться большим влиянием при дворе.

Императрица Кокэн

В 761 году у Кокэн появился фаворит – придворный монах Докё, выходец из низов общества, но при том обладавший сильным характером и умением плести интриги. Докё смог подобрать ключи к сердцу императрицы и, как сказано в самом раннем японском сборнике буддийских историй «Нихон рёики», «делил с императрицей одну подушку и управлял государством». В «Сёку нихонги» о том же сказано иными словами: «Докё тогда служил во дворце и снискал необычайно сильную любовь императрицы. Осикацу из-за этого разволновался и никак не мог успокоиться». Имя Осикацу вместе с фамилией Эми («добродетель и красота») были пожалованы Фудзивара Накамаро за его заслуги перед государством императором Дзюннином.

Докё убедил Кокэн отстранить Дзюннина и снова сесть на престол. Накамаро такой поворот не устраивал, поскольку означал его отстранение от власти и принуждение к самоубийству. Докё ни за что не оставил бы в живых столь опасного врага. Придворные интриги растянулись на два года. В 763 году, поняв, что другого выхода у него нет, Накамаро собрал отряд преданных ему воинов и поднял мятеж. Мятеж вскоре был подавлен. Проиграв последнее сражение, Накамаро пытался бежать, но был настигнут и обезглавлен. Его жены и дети, а также все сообщники, всего 34 человека, тоже были обезглавлены. В живых оставили только шестого сына Ёсио, который был сослан в провинцию Оки. Императора Дзюннина принудили отречься в пользу Кокэн и тоже отправили в ссылку, где он вскоре скончался при неясных обстоятельствах.

Вторично заняв престол под именем Сётоку (не путайте ее с принцем Сётоку), императрица пожаловала Докё специально созданные для него титулы дайдзё дайдзин-дзэндзи («главный министр-монах») и хоо («повелитель дхармы»)¹¹. В 766 году, после того, как в храме Сумидэра были обнаружены мощи Будды, каковое чудо Сётоку сочла знаком одобрения деятельности Докё, монах-министр получил ранг «императора Закона Будды». Однако Докё этого было мало – он хотел стать настоящим императором. В 769 году придворная монашеская клика, возглавляемая Докё, стала активно распускать слухи о том, что синтоистский бог войны Хатиман из храма Уса на острове Кюсю пожелал, чтобы Докё стал императором. Исполнение воли Хатимана сулило государству мир и процветание, а непослушание грозило обернуться всяческими бедствиями. Однако императрице Сётоку не хотелось уступать престол (однажды уступила и пожалела об этом). Она отправила на Кюсю посланца по имени Вакэ Киёмаро, который привез следующий ответ оракула: «Со времени основания нашего государства и до нынешних дней наших установлено, кому быть правителем, а кому – подданным. И не было так

¹¹ Дхармой в буддизме считается все, что помогает человеческим существам преодолеть их нынешнее ограниченное состояние и приблизиться к Будде (стать Буддой).

никогда, чтобы подданный вдруг стал правителем. Престол солнца небесного должен наследоваться членами императорского дома».

Влияния Докё хватило только на то, чтобы отправить Киёмаро в ссылку. Отобрать у Сётоку престол он более не пытался. Примечательно, что императрица простила своему фавориту столь вопиющий поступок. Докё остался при ней и при всех своих должностях и рангах. Возможно, он надеялся осуществить свою заветную мечту после смерти императрицы, но это ему не удалось. Преемник Сётоку император Конин сослал Докё в провинциальный храм Симоцукэ, где монах спустя 2 года скончался. За компанию с Докё пострадали все буддисты в Японии. Буддийскую клику при дворе разогнали, государственную помощь буддийским храмам и монастырям прекратили, количество монахов начали ограничивать. Антибуддийские настроения распространялись так же интенсивно, как и буддизм в период правления императора Сёму. Синтоизм скоро вернул себе утраченные позиции, тем более, что он прекрасно соответствовал усиливающимся центробежным тенденциям. Да и императоры видели уже в буддизме не опору их власти, а угрозу.

Фудзивара Момокава, глава Церемониального дома Фудзивара

После отстранения Докё от власти влияние рода Фудзивара снова начало возрастать. Сын Фудзивара Умакая Момокава, поддержка которого привела императора Конино на престол, выдал свою дочь за старшего сына Конино Яма Бу. Сначала император Конино объявил наследным принцем другого сына, но Момокава смог добиться того, чтобы официальным наследником стал Яма Бу, который после смерти его отца стал императором Камму и правил с 781 по 806 годы. Во время правления Камму столица государства в 784 году была перенесена из Хэйдзё (Нары) в Нагаока, в 794 году – в город Хэйан (современный Киото). Это событие ознаменовало начало нового периода японской истории – периода Хэйан.

Тридцативосьмилетняя война

«Тридцативосьмилетней войной» называется война за подчинение эмиси, обитавших на северо-востоке Японии. Длилась эта война с 774 по 811 годы. Эмиси считаются потомками культуры Дзёмон и предками современных айнов. Они не попали под влияние китайской культуры и потому находились на гораздо более низкой стадии общественного развития, отчего и назывались «варварами»¹². У эмиси не было единого государства, они были организованы в племена по клановому типу, но, тем не менее, эмиси были хорошими воинами и их покорение представляло сложную задачу.

Эмиси перед принцем Сётоку (рисунок XIV века)

Земли, населенные эмиси, не были пригодны для рисоводства по технологиям того времени и потому не представляли особого хозяйственного интереса. Проще говоря, они не стоили той цены (тех жизней и средств), которые нужно было заплатить за их подчинение. Но вместе с позитивными ценностями китайской культуры, японцы переняли у китайцев стремление к покорению соседей-«варваров» и потому покорение эмиси носило политический характер. Проводилось оно не только силой, но и подкупом – вожди эмиси, признавшие себя вассалами японского императора, получали высокие ранги и должности в провинциальной администрации. К рангам и должностям прилагались богатые подарки, награды и прочие блага. Их подданные не платили налогов, не несли

¹² «Эмиси» переводится как «креветковые варвары».

трудовых повинностей, не призывались на службу в армию и пограничную стражу. Лояльные эмиси выплачивали лишь небольшую дань дарами моря, лошадьми или шкурами, которая служила олицетворением их покорности. Положение лояльных «варваров» было гораздо лучше положения японских крестьян и ремесленников, но далеко не все племена соглашались переходить под руку императора. Для укрепления своих позиций на северо-востоке, японское правительство использовало политику насильственного переселения. Эмиси переселялись с северо-востока в другие провинции, за исключением близких к столице, а японцы переселялись на северо-восток, где получали различные льготы, но от воинской службы не освобождались, потому что им полагалось охранять границу государства от непокорных варваров.

Во время Тридцативосьмилетней войны предпринимались многократные походы на непокорных эмиси, которые ожесточенно сопротивлялись, но японцы настойчиво повторяли свои завоевательные попытки, с каждым разом отвоевывая новые земли и строя на них укрепленные замки. В конечном итоге в начале IX века весь остров Хонсю оказался под властью японского императора. Свободные племена эмиси остались только на острове Хоккайдо.